

DOI 10.15393/j9.art.2017.3221

УДК 821.161.1.09"1917/1992"

Екатерина Константиновна Агапитова*Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

ithaelin@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЭТИКИ РОМАНА А. А. КОНДРАТЬЕВА «НА БЕРЕГАХ ЯРЫНИ»

Аннотация. Статья посвящена особенностям поэтики романа А. А. Кондратьева «На берегах Ярыни», в частности влиянию поэтики народной несказочной прозы (быличек) и фольклорной волшебной сказки на форму и содержание этого «демонологического» романа, как его охарактеризовал сам автор. От быличек в романе А. А. Кондратьева осталось этнографическое наполнение, а законы формирования фантастического мира заимствованы им из волшебной сказки. Особое внимание уделяется проблеме «границ» — главному закону волшебной сказки, четкому разделению на «свое» и «чужое». В данном романе роль границы играет Ярынь — контаминация реальных рек Горыни и Яруни и архетипического образа Реки. Также подробно рассматривается еще один закон сказочной поэтики — требование держать данное слово и не нарушать запрет. Именно несоблюдение запрета является двигателем сюжета романа и тем, что приводит персонажей к смерти, точнее к переходу в другое состояние души, поскольку персонажи романа могут существовать в трех формах: человек, нечисть, нежить. Так формируется вечность, постоянность и принципиальная повторяемость мира *На-берегах-Ярыни*.

Ключевые слова: А. А. Кондратьев, «На берегах Ярыни», былички, волшебная сказка, поэтика, славянская мифология

Роман А. А. Кондратьева «На берегах Ярыни» вышел в свет в 1930 году в Берлине в издательстве «Медный всадник» с характерным подзаголовком «Демонологический роман». Однако в нашей стране он стал известен только через шестьдесят с лишним лет, когда в 1993 году был издан в Санкт-Петербурге в издательстве «Северо-Запад».

Как подчеркивают исследователи, этот роман являет собой тот редкий случай, когда литературное произведение «целиком исчерпывается фольклорным содержанием» [6, 165]; [7, 48] (выделено Е. М. Неёловым. — Е. А.). И именно этим он и интересен в первую очередь. Александр Кондратьев создал

на материале фольклорно-мифологических представлений яркий и убедительный фантастический мир [6, 167]. Эти представления в основном почерпнуты из восточнославянских быличек и специальных исследований (например, из известного труда С. В. Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила»). Тем не менее, этот мир, созданный писателем, построен не столько по законам былички (откуда заимствован только сам этнографический материал), сколько по законам волшебной сказки, которая сильнее других фольклорных жанров влияла на поэтику романа.

В романе А. Кондратьева особое влияние сказка оказала на сами принципы построения фантастического мира *На берегах Ярыни* и создания персонажей. Однако сначала следует указать на общие особенности этого фантастического мира.

Уже было замечено, что содержание романа составляют различные «коллизии повседневной жизни человеческих и демонологических персонажей (причем, бессмертные божества в эту жизнь почти не вмешиваются, ограничиваясь поддержанием природного порядка)» [7, 49]. В центре романа «На берегах Ярыни» — природно-демонологический мир: духи мест, нечисть, нежить во всем их разнообразии, причем всегда дается этнографически точное описание. Такое описание появляется всегда, однако для эпизодических персонажей оно дается целиком и сразу, а особенности главных героев выявляются постепенно, но от этого не менее подробно.

Всех персонажей романа можно условно разделить на четыре группы: 1) нечисть и нежить, 2) люди (точнее, жители села Зарецкого), 3) боги и 4) животные. Как уже говорилось, главными здесь являются представители так называемой низшей мифологии (леший, водяные, домовые, русалки и т. д.). Боги и люди входят в повествование ровно настолько, насколько они связаны с нечистью и нежитью, насколько последние позволяют им это сделать и насколько в них самих проявляется «демонологическое». Именно оно и выступает как основа «гармонизации» этих трех разных по идее миров. «Божественное» же и «человеческое» оказываются лишь рамками «демонологического», сферами его экспансии [11, 58]. Животные в романе теоретически умеют говорить и служат

посредниками между различными мирами. Однако следует отметить, что в селе Зарецком нет животных (во всяком случае, они не упоминаются), которые традиционно считаются наделенными особой магической силой (собаки «двуглазки», трехшерстные кошки и другие).

Жители села Зарецкого составляют вторую по величине и важности группу персонажей. Среди них прямо названы четыре ведьмы, так сказать инициированные. Все остальные жители остаются потенциальными ведьмами, так как назвать их обычными людьми весьма затруднительно, хотя они не проявляют явных сверхъестественных способностей. Ведь традиционно считается, что обычный человек не может видеть мир, в котором живет нечисть и нежить. Заметить проявления иного мира возможно только в исключительных обстоятельствах: или когда человек болен, или когда он предпринял определенные магические действия, например, пришел с пасхальной свечой, или посмотрел сквозь борону. А у героев романа не возникает никаких проблем с видением бесовского мира, им для этого не надо предпринимать никаких усилий. Такое возможно только в том случае, если герои имеют какое-то отношение к миру нечисти и нежити: являются колдунами, ведьмами или знахарями или нарушили правила поведения, в результате чего стали видимы для мира нечисти и сами обрели способность его видеть. Если пользоваться терминологией, предложенной английской писательницей Дж. К. Роулинг в ее саге о Гарри Поттере, все жители села Зарецкого являются *сквибами*, то есть способны видеть и чувствовать проявления магического мира, но не способны активно колдовать без специальных условий.

Основные действия романа происходят в селе Зарецком и его окрестностях на берегу Ярыни — многоводной, мутной, с илистым дном реки. В основе этого названия, по замечанию В. Н. Топорова, вероятно, нужно видеть «контаминацию двух названий рек, хорошо знакомых жителям Ровенщины, среди которых был и А. Кондратьев, а именно Горынь и Ярунь» [11, 48]. Кроме того, корень *яр-* имеет в славянских языках вполне определенное значение, в основном связанное с природой и весной. Е. Н. Этерлей в своей работе показывает, что от этих

первичных значений образуются два очень важных для нас комплекса: один, семантическим ядром которого является значение «любовный жар, страсть, похоть» (особенно хорошо группы слов с таким значением сохранились в украинском языке) [13, 108], и другой, почти целиком связанный с обозначением свойств человеческой природы, причем обозначения эти, как правило, имеют оценочный и почти всегда негативный характер. Сюда относятся значения: «гневный, злой, вспыльчивый, сердитый» [13, 110–111]. Эти два семантических комплекса для нас наиболее важны, так как они служат основной мотивировкой поведения героев: персонажи романа делают что-либо, руководствуясь любовным влечением или в порыве гнева.

Таковы общие черты мира *На-берегах-Ярыни*. Все остальные его особенности объясняются влиянием мифа и волшебной сказки на поэтику романа Кондратьева.

Как уже было сказано, роман построен на материале восточнославянских быличек, однако в нем почти отсутствуют черты, характерные для поэтики этого жанра. По словам Е. М. Неёлова, «четко ощущаемая читателем (слушателем) граница с реальностью как бы закрывает фантастический мир» [4, 59]. Мир же былички принципиально открыт: это тот мир, где живем и мы, и где нет и речи ни о какой границе. Кроме того, быличка ориентирована на достоверность, и поэтому там часты «всевозможные доказательства правдивости истории: ссылка на конкретные лица, место действия, реалистическая детализация рассказа, прямые утверждения о достоверности» [1, 31]. Ничего этого в романе Кондратьева нет. Это объясняется тем, что традиционно былички рассказывают в «нормальном» (обычном и хорошо знакомом) мире «нормальные» люди, не имеющие (или почти не имеющие) контактов с демонологическим, об удивительных (и крайне редких) встречах с нежитью и нечистью. Таких людей на берегах Ярыни просто нет, зато встречи с нечистью и нежитью можно назвать регулярными и вполне обычными, поэтому нет и необходимости добиваться достоверности. В. П. Зинovieв в своей работе говорит, что попытки человека вмешаться, повлиять на ход событий, развивающихся по воле «нечистой силы», оставляют глубокий трагический след в его душе [1, 27].

И это единственный характерный признак былички, используемый Кондратьевым в своем романе.

У художественного мира волшебной сказки существует несколько особенностей, которые в первую очередь обращают на себя внимание, так как являются наиболее устойчивыми и чаще всего оказывают влияние на другие жанры. Это, «во-первых, наличие оппозиции “свой / чужой”, что приводит к появлению в едином сказочном пространстве двух зон — “своей” (человеческой) и “чужой” (как правило, нечеловеческой); во-вторых, принципиальное отсутствие в сказочном мире проблемы выбора, и, наконец, в-третьих, противопоставление “взгляда извне” и “взгляда изнутри”, чем обеспечивается при активно работающей установке на вымысел (“взгляд извне”) безусловная иллюзия достоверности (при “взгляде изнутри”») [5, 61–62]. Кроме того, в-четвертых, необходимо держать слово и подчиняться запретам [9, 212].

Все эти черты присутствуют и в романе Кондратьева «На берегах Ярыни». Во-первых, там действительно имеет место разделение на «свое» и «чужое», только это не носит такого глобального характера, связанного с борьбой добра и зла, как в сказке, а является одним из внутренних законов этого мира, молчаливо признаваемым и выполняемым всеми его обитателями (в том числе «нечистью» и «нежитью»). Ведьма, отправляясь в *лес*, берет с собой защитные травы, но не заходит с ними в *болото*, так как там они силы не имеют. Леший — хозяин у себя в *лесу*, где он вправе убить случайно встреченного утопленника, но на *берегу* этой власти не имеет, а уж когда он попадает в *воду*, его с трудом отстаивают Лешачиха с медведем. Вся территория мира равно для всех поделена на «свое» (безопасное) и «чужое» (крайне, почти смертельно, опасное). Причем это деление распространяется не только на местность, но и на поступки. Пока Домовой следит за хозяйством и более ни во что не вмешивается, все идет своим чередом, но как только он начинает безобразничать (выходит за пределы своей функции), его с позором изгоняют. Также все очень хорошо знают свои функции (права и обязанности), что видно из разговора Водяного с подчиненным ему утопленником Петром Анкудинычем:

— Тут я был. На лугу. Смотрел издали, как ребятишки коней пасут, — оправдывался утопленник.

- А заманить не мог?
— Не мое это дело заманивать. Ты девок своих на то пошли. Мое дело — за ногу потянуть, если кто купается ночью, али за русалками присматривать¹.

Во-вторых, у героев романа Кондратьева, равно как и у героев волшебной сказки, нет выбора. Они обречены слепо следовать своей природе. С этой особенностью связано и отсутствие, как и в фольклорной сказке, психологизма в романе. Дело в том, что «в образе сказочного героя отсутствует личностный аспект, без которого нет и психологии» [4, 70], поэтому поведение героев Кондратьева определяется их природой, происхождением и сущностью: они абсолютно статичны, их реакции и поступки легко предугадать. Это особенно хорошо видно на примере поведения Аксютки, которая убивает Аниску и Сеню Волошкевича исключительно потому, что она — дочь болотной бесовки Марыськи: в ней говорит природа, которая сильнее разума и воспитания. Вот описание того, как она приходит к такому решению:

Ведьмина ученица насторожилась и сразу изменилась в лице, на котором незаметно для самой девочки появилась та самая улыбка, с которой ее мать, Марыська, уносила некогда на дно трясины попавших в ее объятия неосторожных охотников. В душе бесовкиной дочери сразу созрело роковое решение (493).

В романе отсутствуют не только объяснения поступков героев и их психологический портрет, но и вообще почти нет описаний: ни портретных, ни пейзажных. Иногда появляются детали внешности героя (розовое, как у младенца, лицо Степки) или упоминается кличка (Федька Рыжий). Портреты нечисти и нежити можно собрать только по «разрозненным кусочкам», которые, впрочем, даются регулярно.

В-третьих, этот мир предельно реален. Любой отрывок из романа, сочетающий фантастические картины (водяной, ведьма, оборотень, леший, русалки и т. д.) с реалистической и абсолютно серьезной манерой письма порождает иллюзию достоверности описываемого. При этом никаких сомнений в реальности происходящего не возникает и не может возникнуть.

И, наконец, необходимость держать данное слово и подчиняться запретам также действительна на берегах Ярыни: Леший

убивает Петра Анкудиныча не столько за нарушение границы (по этому поводу с ним можно договориться, хотя и не всегда), сколько за невыполнение обещания привести русалок на заранее оговоренную поляну.

Весь мир *На-берегах-Ярыни*, весь природный космос организован с использованием законов волшебной сказки. Как известно, село Зарецкое находится на берегу Ярыни, а где-то рядом есть лес. Это основные географические координаты этого мира. Созданный Кондратьевым фантастический мир очень похож на наш реальный, но в нем, наряду с обычными людьми, живут духи мест, нечисть и нежить. Можно даже примерно определить его географическое положение и приблизительно назвать исторический период, когда происходит действие. Тем не менее, несмотря на всю схожесть и правдоподобность, это — не «наш» мир ни при каких условиях: ни в прошлом, ни в будущем. Ярынь — река, точнее, Река, которая служит границей, отделяющей привычный и спокойный «наш мир» от мира на ее берегах. И не важно, что в действительности такой реки не существует. Любая река, в конечном итоге, является ей. Очень важны и ее берега (точнее, один берег): действие никогда не удаляется настолько далеко, чтобы река не присутствовала где-то на заднем плане. Все основные события происходят в селе Зарецком, которое находится *За рекой* (с точки зрения читателя), и никто никогда не приходил в это село *Из-за Реки*. Эта граница так же физически ощутима, как и непреходима. Только один раз (после смерти Аниски и Сени) был нарушен этот закон, и пришел кто-то с *Той стороны*. Но он, присутствуя, отсутствует и ведет переговоры через сотского Трофима, так что это исключение лишь подтверждает правило. Возможно, это связано с широко распространенным поверьем о том, что ведьмы и демоны не могут пересекать водяные потоки. Трактовку мира *На-берегах-Ярыни* как особого, *Того, Не Нашего* подтверждает и способность деревенских жителей общаться с нечистью и нежитью.

Вода в целом и река в частности играют важную роль не только в романе, но и в жизни крестьянина вообще. Очень часто река служит едва ли не единственной дорогой, которая соединяет между собой соседние деревни. Это верно и для произведения Кондратьева, где Ярынь — единственный намек на дорогу:

других дорог нет и, видимо, никогда не было. Все передвижения персонажей романа, так или иначе покидающих село и его окрестности или прибывающих сюда, происходят вдоль реки или прямо по реке: идол Перуна приплывает по течению, вниз по реке уходит Водяной, изгнанный Марьинской, ранее, в гости к Болотнику он добирался по ручью, впадающему в Ярынь. В романе упоминается только одна дорога — *зброшенная* лесная, — на которой растёт Старая Ель, но она перестала быть дорогой и по ней уже давно никто не ходит.

Недалеко от реки (видимо, на том же берегу, что и Зарецкое, так как мостов нет) находится опушка леса. То, что расстояние между ними небольшое, можно понять из поведения Лешего: он регулярно ходит подсматривать за русалками, и однажды Водяной чуть не затянул его в реку, а, как известно, леший не может далеко отойти от края своего леса. Вообще, лес играет в романе не менее существенную роль, чем Ярынь, и гораздо более благотворную. Туда регулярно ходит большинство жителей Зарецкого, и весьма часто они встречаются там с различными духами, причем без последствий. Встреча же с водяными духами (Водяным, русалками, болотницами) происходит либо перед смертью героя, либо уже после нее. К тому же этот лес обладает почти всеми признаками Сказочного Леса.

Рассмотрим основные особенности этого Леса. В первую очередь, он является гораздо бóльшим, чем сумма отдельных деревьев. Для волшебной сказки характерно понимание леса как единого целого, одного организма. Лес, как отмечает Е. М. Неёлов, «может быть добрым (герой встречает помощника, лес задерживает врага) и очень часто — злым» [3, 83]. Также необходимо подчеркнуть, что «в любом случае в образе Леса сохраняется оттенок опасности для героя, связанный с тем, что Лес (добрый ли, злой ли) — всегда преграда» [3, 83]. Очень часто в лесу сон охватывает героя, попавшего в «опасную зону» [3, 86]. Важным свойством Леса является не только его способность вгонять в сон, но и то, что он *сам* спит. Самым постоянным эпитетом такого Леса является «дремучий», то есть дремлющий, спящий, «никем не потревоженный в своем девственном сне» [12, 132]. Использование подобного эпитета свидетельствует о соответствующем отношении к объекту

как к живому существу, способному спать и, соответственно, иногда просыпаться. Видимо, именно в пробудившемся состоянии лес вступает в свою активную фазу, а, учитывая, что чаще всего обычный лес становится сказочным либо по ночам, либо в самой своей глубине, где постоянно царят сумерки, можно сказать, что на опушках Лес спит днем и просыпается ночью.

Деревья в этом Лесу способны двигаться, по крайней мере, Кондратьев в своем романе упоминает время, «когда даже кусты и деревья гуляли на Ярилину (Ивана Купалу. — Е. А.) ночь» (363). Также он рассказывает, как человек, ночующий под Елью, слышит, что ее приглашают: «Ползи, сучиха, к нам». Кроме того, фольклористы-этнографы и писатели-фантасты соглашаются с тем, что в народных представлениях деревья обладают способностью говорить. Кондратьев в романе многократно упоминает этот факт: разговоры деревьев слышат и знахарка Праскуха, и вполне обычный человек дед Федот, и многие его знакомые. Такие деревья, главным из которых является Старая Ель, могут защитить одинокого странника, если тот предварительно попросился у них переночевать. Это подтверждается словами деда Федота:

— <...> Дерево говорило. Дерево, оно ведь тоже понимает. Не у нас с тобой только душа есть. Оно иной раз и защитит может (448).

Иногда такие деревья имеют злокозненный характер. Когда знахарка Праскуха пошла в лес, «несколько раз ей казалось, что деревья шепчут ей вслед: “Глянь-ка на старуху. Вот если бы ее да в корнях нам закопать”» (364).

Однако этот сказочно-фантастический мир построен с учетом законов, действующих в реальном мире, по крайней мере, с вниманием к некоторым из них. Поэтому персонажи романа, подчиняясь специфическим законам этого мира, все-таки умирают. Смерть героев является предметом отдельного разговора. Начнем с того, что никто за 15 лет, описанных в романе, не умер естественной смертью: утопилась от несчастной любви Горпина; Водяной завел в воду пьяного Петра Анкудиныча; Марыська заманила своим пением в болото охотника; повесился Максим; Федька Рыжий и Макар убили ведьму Степку,

перекинувшуюся черной кошкой; Аниска дала бабе отравы для свекра; Аксютка отравила Аниску и Сеню Волошкевича и сама бросилась в воду. Постоянно совершается обмен между миром нечисти и миром людей, точнее, для героев это один мир, в котором возможны два сменяющих друг друга способа существования — человеческий и демонический. Это подтверждается и словами старой болотной бесовки, обращенными к Аксютке:

— <...> Я никогда не видела твоего отца. Кажется, он был тогда человеком. Кто он теперь, мне неизвестно (460).

Все вышеперечисленные относятся к категории заложных покойников — следовательно, став нечистью, они будут являться живым. И. А. Разумова отмечает, что к заложным покойникам, «кроме умерших неестественной смертью, относили также колдунов и вообще людей порочных, злых, разбойников и прочих, которые при жизни “тешили беса” и каким-либо образом были связаны с нечистой силой. Не принятые землей, они живут “весьма близко к живым людям” и относятся к ним враждебно: ходят, тревожат и пугают родственников, приносят болезни, умерщвляют людей. К ним относятся также так называемые “заклятые” или проклятые, которые не находят себе покоя в потустороннем мире» [8, 39]. Совершенно очевидно, что все жители Зарецкого когда-либо пополняют их ряды, а, как считает Н. И. Толстой, группа полудемонов человеческого происхождения всегда ощущалась более враждебной и опасной, чем «хозяева» [10, 260]. Из-за этого происходит стягивание к берегам Ярыни все более опасной нежити и нечисти.

Происходит и обратный обмен (из мира нечисти — в мир людей): дочь болотной бесовки переходит в состояние человека. Так, вода, при определенных условиях, становится то паром, то льдом. Но, проходя определенные стадии, душа обычно не возвращается к предшествующему состоянию: она может измениться снова, но путь назад закрыт. Исследователи отмечают, что в народной традиции известны бывальщины о временных утопленниках, возвращающихся обратно через определенное время [2, 46]. Однако такая ситуация абсолютно

невозможна *На-берегах-Ярыни*: если человек утонул, то это навсегда, поэтому и староста, ставший свидетелем самоубийства Аксютки, не пытается ее спасти — он плюнул, развернулся и пошел обратно. Также жители Зарецкого не могут заблудиться в лесу, так как лично знакомы с лешим Зеленым Козлом; после подобного приключения они должны внутренне измениться, чего произойти не может.

Нечисть в этом мире не обладает абсолютной неуязвимостью, следовательно, может погибнуть насильственной смертью и погибает: леший убивает болотного бесенка и Петра Анкудиныча, старик Федот ранит из ружья самого Зеленого Козла, который потом сгорает в непогашенном костре; гибнет в лесном пожаре лешачиха Бородавка, Водяной душит ставшую русалкой Горпину. Однако Кондратьев подчеркивает, что это не окончательная и бесповоротная гибель, а переход в другое состояние. Особенно это заметно на примере Горпины:

Пыхтя и сопя, вытащил он затем на берег призрачно неподвижное тело Горпины подальше от воды и с торжественно-важным видом повернул обратно... Брошенное им в осоке существо не было прежним тяжелым земным человеком. Легкое и почти прозрачное, было оно подхвачено первым же ветром и, подобно пуху болотных трав, полетело, дрожа и колеблясь, над прибрежными дугами по направлению к Зарецкому (380).

Причем этот переход происходит либо в результате стихийного бедствия (лесной пожар), либо из-за нарушения границы «свое / чужое» (*леший* Зеленый Козел добровольно ложится в *костер*, *утопленник* Петр Анкудиныч идет по *лесу* и тащит из *болота* бесенка, Горпина просит крещеного человека помолиться за нее). И такая метаморфоза смерти воспринимается всеми очень спокойно. У Кондратьева именно уверенность в гарантированной смене состояний обеспечивает это спокойствие. Меняется местами и нечисть: уходит вниз по течению старик Водяной, но на смену ему приходит из болота Марыська и лозовики; уходит в соседний лес Баранья Морда, выгоняют из реки Горпину. Так что мир *На-берегах-Ярыни* вечен и постоянен, и смерть одних героев ничего не меняет: им на смену приходят другие. Эта вечность и постоянность функций раз и навсегда установленного миропорядка при

регулярном изменении временных носителей этих функций также роднит фантастический мир, созданный Кондратьевым, с фольклорно-мифологическим миром, отраженным в восточнославянских быличках и волшебных сказках.

Примечания

- ¹ Кондратьев А. А. На берегах Ярыни // Кондратьев А. А. Сны. СПб., 1993. С. 313. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием номера страницы в круглых скобках.

Список литературы

1. Зиновьев В. П. Жанровые особенности быличек. — Иркутск: Иркутский гос. университет, 1974. — 90 с.
2. Криничная Н. А. На синем камне: мифологические рассказы и поверья о духе-«хозяине». — Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1994. — 58 с.
3. Неёлов Е. М. Волшебно-сказочные корни научной фантастики. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. — 200 с.
4. Неёлов Е. М. Сказка, фантастика, современность. — Петрозаводск: Карелия, 1987. — 126 с.
5. Неёлов Е. М. Фантастический мир как категория исторической поэтики (статья вторая: проблема границ) // Проблемы исторической поэтики: сб. науч. тр. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1992. — Вып. 2: Художественные и научные категории. — С. 58–66.
6. Неёлов Е. М. О фольклоризме «демонологического» романа А. А. Кондратьева «На берегах Ярыни» // Фольклорная культура и ее межэтнические связи в комплексном освещении. — Петрозаводск, 1997. — С. 164–170.
7. Неёлов Е. М., Струкова А. Е. Русская фантастика: нерешенные проблемы. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. — 71 с.
8. Разумова И. А. Сказка и быличка. (Мифологический персонаж в системе жанра). — Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1993. — 109 с.
9. Толкиен Дж. Р. Р. О волшебных историях // Толкиен Дж. Возвращение Беорхтнота и другие произведения. — М.: ЭКСМО-Пресс; СПб.: Terra fantastica, 2001. — С. 135–230.
10. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. — М.: Индрик, 1995. — 511 с.
11. Топоров В. Н. Неомифологизм в русской литературе начала XX века: роман А. А. Кондратьева «На берегах Ярыни». — Trento: Vevzlin, 1990. — 326 с.
12. Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка. — М.: Просвещение, 1971. — 542 с.
13. Этерлей Е. Н. О семантике слов с корнем яр- (в связи с наименованием славянского божества Ярилы) // Диалектная лексика. 1975. — Л.: Наука, 1978. — С. 102–114.

Ekaterina K. Agapitova

Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)

ithaelin@mail.ru

SOME FOLCLORE FEATURES OF POETICS OF A. KONDRATIEV'S NOVEL "ON THE BANKS OF THE YARYN RIVER"

Abstract. The article is devoted to analysis of folklore features of A. A. Kondratyev's novel "On the banks of the Yaryn river", in particular the influence of poetics of the folk non-fiction prose (folk stories) and fairy-tales on the form and content of this "demonological" novel (as it was characterized by the author himself). It is possible to claim that on the one hand, A. Kondratyev applied here the ethnographic filling of non-fiction stories, — and on the other hand, the laws of formation of a fantastic world of the magic fairy-tale. The special attention is paid to a problem of "borders" that is the main law of the magic fairy-tale, a clear distinction between "one's own" and "someone else's". In this novel the Yaryn river serves as a border and seems the contamination of the real Goryn and Yaryn rivers and an archetypic image of the River. Besides, one more law of fantastic poetics is considered in the novel. It is the requirement to keep one's word and not to break a ban, because it is such an infraction that is the engine of a plot of the novel and that leads characters to death, although death in the novel is not the end of life but transition to another state of soul, as far as the characters of the novel can exist in three forms: a man, evil spirits and the undead. In such a manner, the eternity, constancy and basic repeatability of the world "On the banks of the Yaryn river" are formed.

Keywords: A. A. Kondratyev, "On the banks of the Yaryn river", folk non-fiction prose, fairy tale, poetics, Slavic mythology

References

1. Zinov'ev V. P. *Zhanrovye osobennosti bylichek* [Genre Features of Folk Non-Fiction Prose]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 1974. 90 p. (In Russ.)
2. Krinichnaya N. A. *Na sinem kamne: Mifologicheskie rasskazy i pover'ya o dukhe-«khozyaine»* [On a Blue Stone: Mythological Stories of a Spirit — Water-Lord]. Petrozavodsk, Karelian Research Centre Russian Academy of Sciences Publ., 1994. 46 p. (In Russ.)
3. Neyolov E. M. *Volshebno-skazochnye korni nauchnoy fantastiki* [The Magical Fairy Tale Roots of Science Fiction], Leningrad, Leningrad State University Publ., 1986. 200 p.
4. Neyolov E. M. *Skazka, fantastika, sovremennost'* [Fairy Tale, Science Fiction, Modernity]. Petrozavodsk, Karelia Publ., 1987. 126 p. (In Russ.)
5. Neyolov E. M. The Fantastic World as a Category of Historical Poetics (Article No. 2: The Problem of Boundaries). In: *Problemy istoricheskoy poetiki*

- [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1992. Vol. 2: Artistic and Scientific Categories, pp. 58–66. (In Russ.)
6. Neyolov E. M. About Folklore in the “Demonological” Novel of A. A. Kondratyev “On the Banks of the Yaryn River”. In: *Fol’klornaya kul’tura i ee mezhetnicheskie svyazi v kompleksnom osveshchenii* [*Folk Culture and Its Crossethnic Relations in a Comprehensive Approach*]. Petrozavodsk, 1997, pp. 164–170. (In Russ.)
 7. Neyolov E. M., Strukova A. E. *Russkaya fantastika: nereshennye problemy* [*The Russian Fantastika: Unresolved Problems*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013. 71 p. (In Russ.)
 8. Razumova I. A. *Skazka i bylichka. (Mifologicheskiiy personazh v sisteme zhanra)* [*A Fairy Tale and a Folk Story. (Mithological Characters in a Genre System)*]. Petrozavodsk, Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences Publ., 1993. 109 p. (In Russ.)
 9. Tolkien J. R. R. About Fairy Stories. In: Tolkien J. R. R. *Vozvrashchenie Beorhthnota i drugie proizvedeniya* [*The Homecoming of Beorhtnoth Beorhthelm’s Son and Other Works*]. Moscow, EKSMO-Press Publ.; Saint Petersburg, Terra fantastica Publ., 2001, pp. 135–230. (In Russ.)
 10. Tolstoy N. I. *Yazyk i narodnaya kul’tura. Ocherki po slavyanskoj mifologii i etnolingvistike* [*Language and National Culture. Sketches About Slavic Mythology and Ethnolinguistic*]. Moscow, Indrik Publ., 1995. 511 p. (In Russ.)
 11. Toporov V. N. *Neomifologizm v russkoy literature nachala XX veka: Roman A. A. Kondrat’eva «Na beregakh Yaryni»* [*Neomithologism in Russian Literature of the 20th Century: A. A. Kondratyev’s novel “On the Banks of the Yaryn River”*]. Trento, Vevzlin Publ., 1990. 326 p. (In Russ.)
 12. Shanskiy N. M. *Kratkiy etimologicheskiiy slovar’ russkogo yazyka* [*Short Russian Etymological Dictionary*]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971. 542 p. (In Russ.)
 13. Eterley E. N. About Semantics of the Words with a Radical “yar-” (In Connection with Slavic God’s Name Yarilo). In: *Dialektnaya leksika. 1975* [*Dialect Lexis. 1975*]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, pp. 102–114. (In Russ.)